

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

И красиво, и как в жизни, и про любовь. Немногие режиссеры могут похвастаться тем, что в их фильмах все это есть. Очень немногие. А если добавить к этой характеристике фильмов немолодой возраст их создателя, то вариантов не остается совсем. Шесть лучших фильмов отечественного кинематографа: "Любимая женщина механика Гаврилова" (1981), "Военно-полевой роман" (1983), "По главной улице с оркестром" (1986), "Интердевочка" (1989), "Анкор, еще анкор!" (1992), "Какая чудная игра" (1995). Никаких сомнений. Имя режиссера — Петр Ефимович Тодоровский. Недавно ему исполнилось 75. Он прошел войну и потому кажется уже достоянием истории, человеком-легендой.

"НА ПАМЯТЬ О ПЕРЕЖИТЫХ СТРАХАХ"

— Петр Ефимович, в вашей биографии есть такой поразительный факт: когда в 1943 году все Саратовское военно-пехотное училище послали в самое пекло — на Курскую дугу, ваш взвод в это время пилил дрова под Хвалынском. Все училище полегло. Что вы чувствовали тогда, вернувшись в пустые казармы? Думали о том, для чего Господь вас сберег?

— Мы страшно жалели, что остались в тылу, а ребята уже пошли в дело. А чувствовали мы, когда вернулись... сильный голод. В училище жизнь была нелегкой, кормили очень плохо — одной капустой гнилой. Недостроенная казарма с щелями в палец. Да от такой жизни многие курсанты бежали на фронт! Когда мы уезжали под Хвалынск, получили сухой паек на месяц, а съели его за 10 дней. И шастали по огородам, воровали картошку, кур — все, что попадется... Нам дали звание младших сержантов и оставили еще на шесть месяцев. Да... Может быть, это и спасло мне жизнь... А страху было много, и смертей было много, хоть я и недолго воевал — меньше года. До ранения — в пехоте, а потом с минометом дошел до Эльбы и участвовал во взятии Берлина.

— Ранение было серьезным?

— Это счастье, что у меня оказалось легкое ранение, правда, в такое место: осколок угодил в теменную часть. Если бы чуть-чуть ниже, на какие-то доли миллиметра — то все. Серьезной оказалась контузия — разорвался тяжелый снаряд, нас трое завалило в окопе. Один задохнулся, двоих вытащили. Я оглох совсем, но потом правое ухо стало слышать... Боженька мне помог: мать моя, что бы ни случилось за все эти годы, где бы она ни находилась, пока я был в училище, на фронте, поддерживала огонь в доме — лампадка, фитилечек, лучинка, ватка. "Эта я поддерживаю его жизнь", — говорила она всем. В 41-м году на границе с Польшей погиб мой старший брат...

— А были еще у вас в жизни случаи, когда вы чувствовали "присмотр небес"?

— Все — на фронте. Солдатики в пехоту посылали, поучив от силы дней десять. Многие даже толком не умели с оружием обращаться. И один меня чуть не убил: рядом стоял, чего-то там с автоматом возился и дернул! Очередь прошла вот так — слева, под мышкой, и... (Показывает рядом с сердцем. — Авт.) Просто чиркнуло и вырвало кусок шинели... У меня есть сценарий, он так и называется "На память о пережитых страхах".

"ВОЕННО-ПОЛЕВОЙ РОМАН"

— У вас был фронтальный роман?

— Нет, но вот после войны была история... Я ее в какой-то степени рассказал в "Ангоре". В меня жена командира полка так вторилась, что я не знал, куда деться! (Зарзательно хохочет. — Авт.) Я — младший лейтенант, самый младший из всех офицеров, как тогда говорили, "ванька взводный". Она — красавица! Комполка лежал в госпитале, она — врач, его лечила. Он страшно ее любил, вытаскивал из госпитала, сделал ей звание, забрал в свою часть. Там все в нее были влюблены. И я, конечно. Это была смесь любви, которую сыграл Коля Бурылев в "Военно-полевом романе", — "любви-грёзы", и того, что было в "Анкор, еще анкор!". Много выдуманно, но нулевой цикл — правдивый. Он у меня всегда должен быть правдивый. Я ведь — кинового реалист. (Снова смеется. — Авт.)

— Петр Ефимович, но это правда, что у вас в жизни было то же самое, что и в фильме "Военно-полевой роман"? Вы так же встретили у ЦУМа женщину с ребенком, торгующую пирожками, которой когда-то восхищались на фронте? В кино герой подошел к ней. А как было на самом деле?

— Вы знаете, я был такой жалкий, ничтожный студентик, учился на первом курсе ВГИКа, ходил в военной форме. Сразу не решился подойти. А когда пришел к ЦУМу на следующий день, ее уже не было... На фронте я ее видел всего один раз, когда мы форсировали Вислу. Она проезжала мимо на коне, рядом с комбатом, такая роскошная блондинка, и так громко и красиво смеялась...

А вообще-то с этим фильмом история была очень сложная. Сначала я дал прочитать сценарий Инне Чуриковой. Она сказала, что это про главное и поэтому будет сниматься. Позвонил Наташе Андреевской, взял трубку Максим Дунаевский: "Это исключено, потому что Наташа на девятый месяц". Я сильно расстроился и стал комплектовать другую группу. Попробовал Таню Догилеву, кого-то еще из "Современника"... И понял, что актеры не должны быть очень молодыми, ведь это история про взрослых людей, которые войну прошли, много испытали, несмотря на возраст. Тогда я снова позвонил Андреевской, она с ходу меня огорчила: "Я так люблю эту роль, что откажусь от нее не могу, и, если вы не возражаете, буду сниматься". Я удивился: "Как же вы сможете? Ведь ребенку всего месяц!" А она сказала, что груду уже не кормит, ребенок будет у бабушки в Долгопрудном, и она будет к нему каждый день ездить.

Денег у нас было очень мало, и, помню, нас отовсюду гоняли: от Малого театра, от ЦУМа. В Малом был директор Царев, он приехал на работу на лимузине и, когда не оказывалось места, где ему встать, начинал кричать: "Уберите все!" Директор ЦУМа заявил: "Если хоть кто-то пожелаете, что вы мешаете входу-выходу, я вас тут же выгоню!" Когда я принес первую переписку, посмотрели ее молча и назначили обсуждение на следующий день на одиннадцатое утра. Но ровно в одиннадцать мне уже дали заключение, и первый пункт потрясающий: "Убрать все коммуналки!" А картина-то вся была снята в коммуналках. Хотя кое-что я все-таки вынужден был убрать.

— Что же?

— Помните ту квартиру, в которой живут Чурикова и Бурылев? Было ясно, что родители у Чуриковой сидят и что остальных в их квартиру подселели. Помните Ньюру, которая все напрашивалась к ним в гости попеть? А еще у меня был сосед казбэшник. У него была такая пунктирная линия: он все время подслушивал. Сидит на кухне, вроде чай пьет, кругленький, мягкий, пухленький, гладенький, такой милый, а на самом деле уши на макушке. Мне сказала: "Если его не вырешешь, картина не выйдет". Я махнул рукой: черт с вами. Всего же было 19 поправок! Им даже не понравилось, как Наташа поет (Тодоровский показывает, как она поет: "О-ой, цовете-ет ка-али-ина в по-оле у ручья-я"). — Авт.) Мне заявили: "Что это за пьяная баба? Уберите ее!" Мы

ВАЛЕРИЙ ПЛОТНИКОВ

ВОЕННО-ПОЛЕВОЙ

РЕЖИССЕР

ПЕТР ТОДОРОВСКИЙ:
"Путаны приходили ко мне сами"

ничего не убрали, но когда у нас спросили, оставили ли мы это место, заявили: нет, конечно. Еще комиссии не понравился финал, когда Коля Бурылев бежит по улицам и бьет ногой по трубам, и его забирает конная милиция. Мне указали: "Вот он ее находит и узнает, что она выходит замуж за этого зампреда райисполкома. Он ее нашел, она плачет — вот это хорошо, так и оставьте".

— Петр Ефимович, а у вас много было романов?

— Мне некогда было. (Смеется. — Авт.) Вся жизнь так много работал, карабкался, будем так говорить. Война началась — мне 15 лет, 16 в августе 41-го исполнилось. Самое время для романов, а я оказался в эвакуации в колхозе, мы два года жили в глухой далекой деревне Шишка Саратовской области...

В РЕЖИССЕРЫ — ОТ ТОСКИ

— А как же вас все-таки занесло во ВГИК?

— Увидел на фронте живого кинооператора, в Германии, перед Одером, за который шли тяжелые бои. Нас обогнала полурота, с нее соскочил военный, достал камеру и стал нас снимать. И я подумал: "Какая замечательная профессия! Через много лет люди увидят это событие, эти лица". Когда демобилизовался в 48-м, сразу поехал поступать во ВГИК. Не удалось, равнял к родителям, которые жили со старшей сестрой в Херсоне. Год работал на заводе, а на следующий поступил. Курс у нас был выдающийся: Вадим Юсов, Герман Лавров, Юнас Грицюс. После ВГИКа снял с Марленом Хуциевым две картины, с Евгением Ташковым — две, и все на Одесской киностудии. Потом все эти мальчики уехали в Москву. И оператором стало как-то скучно. Пришел к Булату Окуджаве, и мы написали "Верность". И вот эта картина открыла мне путь в режиссуру.

— Петр Ефимович, правда, что фильм "По главной улице с оркестром" возник из вашей музыкальной импровизации? Сидели вы, играли на гитаре и придумали мелодию...

— Правда. У меня много всего возникает из импровизации, целые сцены. Скажу вам честно, что сценарий "Военно-полевого романа" я написал до того места, когда появляется зампред райисполкома — Проскурин. Остановился и два месяца не писал — не знал, что же дальше. И вот как-то сидел, тренькал на гитаре и вдруг придумал: "А почему бы ей не попеть у него какой-нибудь угод — она одинокая, фронтовичка?" И так

"Нет. У меня есть человек восемь мужчин, они приходят ко мне по расписанию". Прочитала в газете, что я снимаю такой фильм, и сама пришла на студию рассказать про свою жизнь. Я раньше думал, что проституция существует только в больших городах. Но получил столько писем из маленьких поселков, из деревень. Из Усть-Каменогорска пришло такое письмо, жаль, я его потерял. На фотографии — абсолютно голая девица, с разных точек: сзади, спереди, сбоку, сверху, и действительно хороша! (Тодоровский восклицает и улыбаются. — Авт.)

— Там было много фотографий?

— Да. И письмо вложено: "Я и есть ваша героиня. Лучше меня ее никто не сыграет, возьмите меня на главную роль". Море таких писем было... Но самая большая работа ждала меня в Стокгольме, потому что Володя Кунин, автор сценария, конечно же, ничего не знал про жизнь наших путан за границей. А их туда уезжало очень много. Шведы, например, которые построили в Ленинграде гостиницу "Прибалтийская", увезли с собой 107 наших путан, взяв их в жены. А когда мы оказались в Стокгольме, выяснилось, что из этих 107 осталось всего 28. Я имею в виду — живущих с мужьями. Но ни одна не вернулась на родину. Устроились в публичных домах по всей Европе. Все материально хорошо обеспечены. Но летом обязательно ездили к маме, к папе.

— У "Интердевочки" был грандиозный успех. Вы разбогатели?

— Мы заработали сумасшедшие деньги, даже боялись идти на студию, чтобы нас не разорвали коллеги. (Тодоровский смеется. — Авт.) Обычно же за картину режиссер по второй категории получал шесть тысяч рублей с вычетами за перерасход пленки, за лишние смены. На руки получалось до пяти максимум. А я получил на "Мосфильме" за "Интердевочку" 120 тысяч! Оператор — 90! Вся группа заработала очень приличные деньги. И это еще нам не дали ни копейки в валюте за прокат по миру, только проценты от демонстрации фильма по стране.

— Петр Ефимович, а как вы снимали эротические сцены? Стеснясь или смеясь?

— В нашем фильме была одна по-настоящему эротическая сцена, когда отец героини заявил ей, что он подпишет ей документы на выезд, только если она ему заплатит три тысячи рублей. И она вынуждена была вернуться к своему старому клиенту-японцу, чтобы заработать. Но японца мы нашли, нашли казаха. (С этой фразы и до конца рассказа про "эротическую сцену" Тодоровский все рассказывает, смеясь и показывая, что и как они делали, в лицах и с выражением. — Авт.) Я думаю, что если бы мы сняли эту сцену именно так, как мы ее на самом деле снимали, — это была бы лучшая сцена фильма. Снимали без японца-казаха. Лена лежала на кровати без лифчика, в одних трусиках, звукооператор держал в руках магнитофон с джазовой музыкой. Под эту музыку один из наших актеров качал кровать, осветители водили "бэби-камы" (осветительными приборами) опять же в ритм музыки, оператор дергал камеру под музыку, а я дергал Лену за задницу под музыку. Сняли несколько планов,

мы все в мле, а Лена лежит — ей хоть бы что! Получился такой полуразвратный вариант: то она на животе, то она на спине, то одна рука на полу...

МИРА И ВАЛЕРА

— Петр Ефимович, скажите, пожалуйста, а вот со своей женой, Мирой Григорьевой, как вы познакомились? Вы отмечаете этот день?

— Совсем скоро, в 2001 году, мы будем праздновать 40 лет со дня нашей встречи. Познакомились мы в Одессе, совершенно случайно, она была инженером морского транспорта. Я в тот день уезжал снимать "Никогда" в Ленинград, она в то время как раз уволилась со своей работы, ей все надоело, и встретились мы в Одессе. Я зашел в один клуб, где в честь моего прихода сыграли мою песню из кинофильма "Сильнее урагана". И там была Мира Григорьевна, ей так понравилась моя песня, что она подошла ко мне и сказала об этом.

— А вы сразу поняли, что это на всю жизнь?

— Думаю, что да. Мне к тому времени очень надоела моя холостая жизнь, мне было 36 лет, я уже был женат, разведен. У нас была очень странная свадьба. Мы приехали в Ленинград на съемки моего фильма, денег не было. Мира "толкнула" свои золотые часы, вся съемочная группа скинулась, но денег на ресторан все равно не хватало. Тогда Гриша Поженян сказал: "Все, едем к моему хорошему другу". Хорошо погуляли, даже подрались.

— Вы дрались?

— Нет. Там Гриша Поженян с кем-то не поладил. А в конце вечера оказалось, что хозяин дома — драматург Саша Володин, с которым мы с тех пор подружились на всю жизнь. Вернулись в гостиницу в шесть утра, а мы еще были не расписаны, но, естественно, пошли ко мне в номер. В ее номере нелегально жил администратор нашей группы, который только приехал и еще не успел оформиться. А Мира, выходя из такси, обронила сумочку. Таксист тут же занес сумочку в гостиницу дежурной. Та посмотрела по квитанции, в каком номере она живет, и пошла отдавать сумочку. А ей открывает какой-то амбал. Начался скандал, подняли меня, Мира, милиционер появился, и нас всех троех выгнали из гостиницы. А холодно было, уже стоял конец сентября, и мы гуляли по улицам, пока не приехал директор картины и не разобрались.

— Петр Ефимович, говорят, когда вы монтировали картину "Какая чудная игра", вам очередей помог ваш сын. Это правда?

— Вы знаете, было так. Я уже сложил картину, но чувствовал, что что-то немного не так, что-то лишнее. А что, уже не понимаю. Тогда я зову голову пореза своего (опять смеется. — Авт.) Валеру, который все-таки закончил сценарный факультет в отличии от меня. У него свежий глаз, и я ему верю, верю его вкусу. Тут у меня еще стало плохо с сердцем, остановили монтаж, и я улетел в Мюнхен, где мне сделали операцию. Валера пару дней походил в студию, что-то там делал, но потом мы решили оставить все как есть до моего возвращения.

— А Валера с вами советуется? Показывает вам рабочий материал?

— Когда он снимал в Ялте "Катафалк", свою первую картину, я собрался тоже поехать в Ялту, отдохнуть. Валера так перепугался, что могут подумать: вот папа приехал помогать снимать! И я уступил, не поехал. Но он обязательно дает мне читать сценарий и показывает первую сборку. Если у меня есть какие-то соображения, я всегда их высказываю.

— Он прислушивается?

— Не всегда...

— Петр Ефимович, а вам сейчас не часто, наверное, удается видеться с сыном? Вы снимаете, он работает...

— Конечно, очень редко. Хорошо, что еще рядом с нашей дачей дача Виктории Токаревой, нашей свахи. Вместе с ней живет Валерина дочка Катя, ей уже шестой год пошел, и Валера с Наташей приезжают к ней на субботу-воскресенье. Валера сейчас в таком загоне, запустил четыре сериала на РТР. (Тодоровский, договаривая, как-то заметно смик. — Авт.)

— Вам обидно, что он переключился на сериалы?

— Обидно. Я ему сказал: "Валера, ты в эти игры доиграешься, а тебе уже 39-й год, самое время кино снимать..." Но он пытается решить свои жилищные проблемы — у него маленькая квартира, нет даже своего кабинета. Двое детей. Старшему, Петю, — 16 лет, собирается поступать в университет... И Валера решил отдать этот год на зарабатывание денег.

— Скажите, пожалуйста, а какой из Валериных фильмов ваш самый любимый?

Тодоровский отвечает сразу, не задумываясь: — "Любовь".

Елена СКВОРЦОВА-АРДАБАЦКАЯ.